Я уже затрагивал тему углубляющегося неравенства в доходах — одного из последствий увлечения мифом о «постиндустриальном обществе», которое часто связывается с так называемой «экономикой знаний». За гламурным фасадом последней в стиле хай-тек скрывается непомерно разросшийся финансовый сектор, а также массовый аутсорсинг материального производства в Азию, которые открыли в конечном итоге ящик Пандоры — кредитный пузырь и последующий без преувеличений тяжелейший кризис со времен Великой депрессии.

Год Гая Фокса

Николай КАЩЕЕВ,
начальник аналитического отдела департамента казначейских операций и финансовых рынков, Сбербанк РФ

«Я — 99%!» — один из мотто движения Occupy Wall Street (OWS). Он означает, что протестанты представляют чаяния 99% населения США — тех, кто уже в середине нулевых имел 81.5 цента с каждого доллара доходов всех американских граждан, тогда как оставшийся всего 1% самых богатых получал 18.5 цента. В 1979 году доля 1% богатейших людей в каждом долларе составляла только около 9 центов. То есть доля 1% самых богатых в общих доходах граждан США выросла вдвое, а доля 99% остальных – соответственно упала на 9.5 п.п. Годовые доходы среднего американского гражданина мужского пола с 1970 по 2010 год в постоянных долларах изменились так: с примерно $33500 до… $32400! Правда, среднегодовые доходы американских женщин за это же время выросли с $11200 до $21000. Прирост доходов на душу населения в США в постоянных ценах за 30 лет произошел исключительно за счет увеличения доходов женщин, то есть в результате эмансипации!

Сегодня в США доходы 20% наиболее богатых людей превышают доходы 20% самых бедных в 8.5 раза, это рядом с Португалией и Сингапуром (8 и 9.7 раз соответственно), против 6.5 в Греции (у той все еще впереди), 3.7 в Финляндии, 3.9 в ресурсодобывающей Норвегии и 3.4 в Японии. Россию упоминать нет смысла, потому что «н.д.д.», нет достоверных данных. Но порядок цифр примерно понятен...

Неравенство, как показывают исследования, оказывает сильное влияние на число убийств на душу населения, на количество психических больных, на качество жизни детей. Там, где уровень расслоения выше, люди меньше доверяют друг другу, что оказывает сильное влияние в том числе на деловой климат. Что интересно, средняя продолжительность жизни тоже, разумеется, имеет четкую корреляцию с уровнем благосостояния, но лишь внутри той или иной страны, а не между странами[1].

Кстати, в России в 2009 году официально зарегистрировано около 16 тыс. убийств, или 11.2 случаев на 100 тыс. населения — против пяти случаев на 100 тыс. жителей в США[2]. Эти данные могут косвенно свидетельствовать об уровне истинного неравенства доходов граждан РФ. Заметим, впрочем, что официальное число убийств в РФ в 2009 году находится на уровне или ниже десяти самых неблагополучных штатов США начала нулевых.

[1] http://www.businessinsider.com/the-negative-effects-of-income-inequality-on-society-2011-11

[2] Примерно столько же, 4.9 случаев на 100 тыс. человек — в Белоруссии, но опять же официально; скорее всего, принципы учета приблизительно те же, что и в России, когда, например, умерший в больнице после драки человек не считается убитым; однако не берусь судить с уверенностью.

Средний класс в США уничтожается «постиндустриальным обществом» с помощью «экономики знаний», в которой не могут найти себе применение миллионы людей: рост производительности труда в самих Штатах, выигрыш Азии в конкуренции в сфере стоимости единицы продукции в производственном секторе и очень высокие требования к квалификации работников в новых «прогрессивных» отраслях сферы услуг — все это оставляет без роста доходов массы потребителей, от которых ВВП США зависит на 70%. Неожиданный всплеск потребительской активности в США в третьем квартале 2011 года, чем бы ни пытались его объяснить, проходил на откровенно нездоровой основе: вновь сократилась норма сбережений американских домохозяйств, как будто не было кризиса 2008 года и последующего делевереджа… Такая основа не может обеспечить устойчивый и продолжительный рост. То, что мы видим сегодня, — это завершившийся экономический цикл, призрак, зомби, поднятый из могилы «вудуистской магией» ФРС и администрации США.

Спустя три года после формального начала кризиса единственным важным сектором экономики, вес и значимость которого довлеет над всем миром, на который направлены основные усилия правительств, остается финансовый сектор и финансовые рынки. При этом реальный сектор, сталкиваясь с неустойчивым спросом, остается в целом в уязвимом или даже депрессивном состоянии. Проблема безработицы, падения доходов тяготеет над миллионами людей все так же; счастливчикам предлагается низкооплачиваемая работа, частичная занятость. Все козыри были целенаправленно сданы на руки банкам, им прощалось «баловство» с отчетностью (иначе говоря, разрешенное шулерство), прихоти удовлетворялись.

Тем не менее, финансовые компании, как мы знаем, продолжают падать, оставляя шлейф испорченной репутации: печально известная MF (Ministry of Finance?!) Global перед банкротством предположительно присвоила примерно $1 млрд денег клиентов. Это еще одна причина того, что люди сегодня надевают маску Гая Фокса и выходят на улицы. Поэтому ироничным продолжением известных крылатых слов «Too big to fail» стало «And too connected to go to jail»(со слишком большими связями, чтобы сесть в тюрьму). Люди требуют справедливости — в нормальном смысле этого слова.

Кто он такой, этот Гай Фокс? Он жил в конце XVI – начале XVII века в Англии и был католиком буквально с детства (кстати, сохранилась церковь, в которой его крестили). Происходил из католической семьи, ревностно отстаивавшей свою веру и отвергавшей протестантизм, который занял ведущее положение в Англии. Фокс стал солдатом. Он ездил в католическую Испанию, с которой Англия формально была в состоянии войны, чтобы попытаться договориться о поддержке католического восстания на родине, но отклика так и не получил. Зато он принял имя Гвидо и воевал на стороне Испании в «17 провинциях», которые также назывались Нидерландами (нижними землями), против инсургентов-протестантов.

Последних, в свою очередь, называли гёзами (голл. geuzen от франц. gueux — нищие). Такое прозвище они получили из-за одного эпизода, когда они, скромно одетые, повстречались с гламурными испанцами. Но гёзы были дворянами, носившими на шляпах изображения полумесяца из серебра или золота, потому что их мотто было таким: «Лучше служить султану, чем папе». Мы знаем об этом от Шарля де Костера, автора «Тиля Уленшпигеля».

Как мы также знаем, события в Нидерландах, называемые 80-летней вой-

«НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПОМЕНЯЛА ОКРАСКУ ОБРАЗА ФОКСА, СДЕЛАВ ЕГО СИМВОЛОМ НЕПРЕКЛОННОЙ БОРЬБЫ С ПРАВЯЩЕЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ»

Mike Kappel

ной, считают еще и буржуазной революцией, потому что в результате освободительной войны с Испанией на территории «17 провинций» появились первые европейские буржуазные республики. Войну с будущими Голландией (или Нидерландами), Бельгией и Люксембургом вел сперва король Испанской империи Филипп II, а потом — его сын Филипп III. Эта война послужила одной из причин дальнейшего падения Испанской империи, не в последнюю очередь по экономическим причинам.

Как это началось? Король Испании Филипп II правил с 1556 по 1598 год, и начало своего царствования провел как раз в Нидерландах — нижних землях, «17 провинциях». Затем он вернулся в Испанию и стал править из кастильского укрепленного городка под названием Мадрид империей, которая на деле была федерацией нескольких королевств, включая «автономии» даже на территории нынешней Испании: королевства Кастилья, Наварра, Арагон. У них были свои законы, вольности и даже парламенты — ассамблеи. Последних, например, на территории королевства Арагон функционировало целых три, каждый в своей области. Вспомним заморские территории Испании в Америке, и станет ясно, что управлять таким лоскутным образованием было крайне нелегко.

Филипп II для управления федерацией использовал отлично знакомую нам систему сдержек и противовесов, играя на конфликтах разных групп знати, а также засылал на подвластные, но вполне автономные территории разного рода полномочных представителей. Более того, поскольку система управления исторически была весьма аморфной, Филипп II, с одной стороны, концентрировал максимально возможную власть в своих руках, председательствуя в ряде ключевых советов империи, а с другой — был ограничен в своих действиях рядом исторических законов. Вся эта сложная имперская система обильно плодила бюрократию, которая затрудняла функционирование экономики; вдобавок изгнание mariscos (мавров, осевших в стране) из Гренады (вообще-то, Гранады) из-за боязни поддержки ими мусульманского вторжения разорило экономику этой важной территории.

Впрочем, у Филиппа был огромный рентный ресурс: из Америки поступало золото, серебро и драгоценности, но, насколько можно судить, не столь регулярно, как требовалось согласно гаргантюанским имперским аппетитам. Правда, в последние годы правления Филиппа II поступление драгоценностей из колоний стало особенно интенсивным. Все поступления, как и полагается в уважающей себя империи, обильно расходовались на военные нужды, а также на импортные товары длительного — и не очень — пользования для аристократии. По некоторым данным, бурная и крайне неэффективная экономическая деятельность Филиппа привела к пятикратному росту цен в Испании за время его правления.

Колониальная рента не приносила облегчения экономике Испании, отнюдь. Местные производители были обложены высокими налогами, за сбором которых ревностно следила растущая имперская бюрократия. Страна была не особенно густо населена, и это не давало хорошей налоговой базы. Более половины поступлений в казну обеспечивала Кастилья, а второй по значимости территорией являлись те самые 17 провинций; все территории платили налог с продаж.

> СЕГОДНЯ В США ДОХОДЫ 20% НАИБОЛЕЕ БОГАТЫХ ЛЮДЕЙ ПРЕВЫШАЮТ ДОХОДЫ 20% САМЫХ БЕДНЫХ В 8.5 РАЗА

В ходе царствования Филипп четырежды объявлял дефолт по своим обязательствам, прежде всего перед банкирами Генуи и южной Германии, первый раз в 1557 году, последний — в 1596 году, и 40% расходов бюджета Испании при нем стали процентными. Одновременно Филипп — безусловно, из высших имперских соображений — энергично пилил сук, на котором сидел. Налогообложение 17 провинций, а также попытки полностью упразднить их автономию и править ими непосредственно из Мадрида как раз и привели к 80-летней войне (1568–1648 годы), которая в итоге закончилась независимостью Голландии (Нидерландов). Тем не менее, несмотря на все это, во времена банкрота Филиппа II, этого «эффективного менеджера» империи, Испания находилась на вершине своего могущества.

Между прочим, Филипп II в течение четырех лет был королем Англии (1554–1558 годы) благодаря женитьбе, инициированной его отцом, еще когда Филипп II был наследником престола, на пожилой (37 лет) королеве Англии Марии. Однако их союз завершился смертью Марии, после которой Филипп, согласно договору, потерял все права на Туманный Альбион и не успел возродить там католическую церковь. О чем, видимо, печалился Гай Фокс, родившийся на 16 лет позже завершения правления Филиппа в Англии, в 1570 году.

И вот Гай, несмотря на отсутствие поддержки от Филиппа III, сына Филиппа II, решил восстановить католическое правление в Англии сам, приняв участие в 1604 году в так называемом «пороховом заговоре» с целью убийства короля Джеймса, шотландца и протестанта, его жены, королевы Анны Датской, и всей английской знати из Палаты лордов, а также замены короля его дочерью, принцессой Элизабет. Метод убийства — минирование подвала под помещением Палаты с помощью мешков с порохом.

Король Джеймс I имел довольно напряженные отношения с парламентом, но бóльшую свободу действий по сравнению с Филиппом. Английская морская империя еще не существовала, классическая бюрократия была, что называется, nonexistent, а король-шотландец являлся, видимо, довольно прямолинейным человеком. Когда он столкнулся с экономическими трудностями, Палата лордов предложила ему собрать 600 тыс. фунтов, из которых 400 тыс. пошло бы на погашение госдолга в обмен на некоторые привилегии. Переговоры увязли в противоречиях, и Джеймс попросту распустил палату (1610 год). Спустя четыре года он распустил еще один парламент точно по той же причине. Потом ему хватило креативности вплоть до 1621 года править вообще без парламента, зато с помощью наемных профессионалов вроде предпринимателя Лайонела Кренфилда, которые отлично

справились с бюджетными задачами. Какой контраст с Испанией! Кто-то возразит, что англосаксы были готовы взойти на мировой пьедестал уже в XVI–XVII веках?

За часы до покушения на Джеймса Гай Фокс был, к счастью для Англии, изловлен: совестливые фанатики-заговорщики решили предупредить католиков из состава Палаты лордов о готовящемся теракте. Один из них поднял тревогу, и Гая схватили. После положенных в то время процедур он сдал всех заговорщиков (не будем его за это осуждать, разыскав в интернете изображение примененного к нему инструмента под названием rack), которые и были казнены в соответствии с традициями того времени. Сам Гай успел в последний момент перед казнью броситься с эшафота вниз и сломать себе шею на глазах у собравшихся, в том числе и самого Джеймса I с супругой.

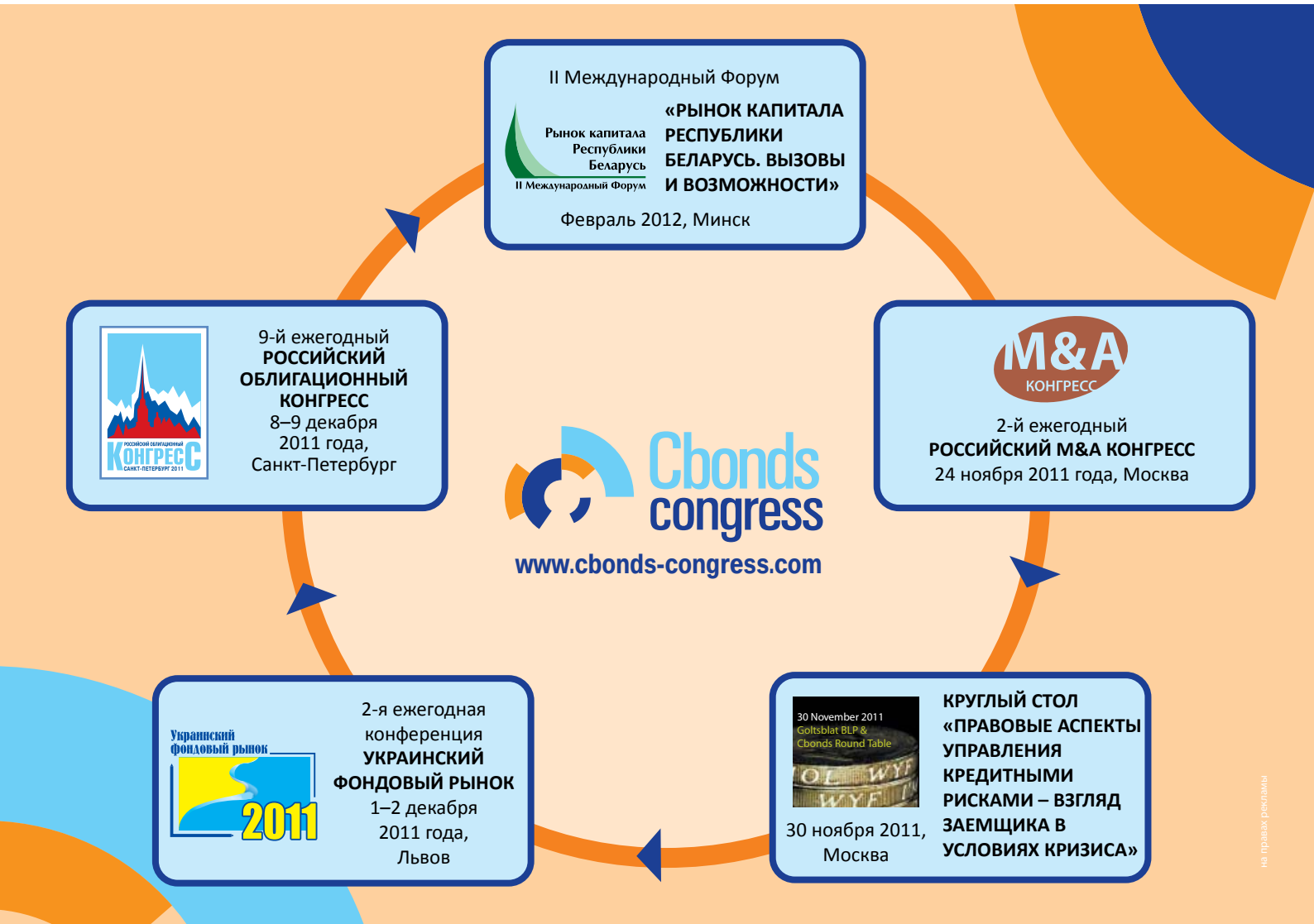
История им всем судия... Череда событий, связанных с протестантским правлением в Англии, привела в итоге к превращению ее в самую мощную империю планеты, а потом, после неизбежного угасания, в соответствии с «эффектом бабочки», к рождению США, на сегодня высшему достижению буржуазной протестантской социокультурной (и экономической) парадигмы. Так или иначе, злодей или нет, но Гай Фокс был, безусловно, смелым и преданным своей идее человеком. Однако он проиграл. И с тех пор 5 ноября в честь предотвращения гибели короля Джеймса отмечается так называемый «костровой день», bonfire day, проходит карнавал, в ходе которого сжигается чучело, изображающее Гая Фокса. Его фигуру делают почти так же, как славянскую «кострому», а на «лицо» надевают маску — ту самую, что сегодня примеряют участники движения OWS.

Сегодня, когда массовые волнения охватывают страну за страной, от Магриба и Ближнего Востока до Нью-Йорка, а в Греции правительство объявляет о желании провести референдум по ключевому вопросу современности[1] — как поступить с тяжелым наследием испустившего дух кредитного суперцикла, — былые исторические уроки и оценки уходят на задний план. Маска Гая Фокса как символ поменяла свое значение. Она актуализировалась... Когда ее надевают сегодня, вспоминают не «пороховой заговор», а книгу комиксов V For Vendetta, в которой один из персонажей — тайных борцов с неким тоталитарным государством — закрывает свое лицо именно этой маской. Так новейшая история поменяла окраску образа Фокса, сделав его символом непреклонной борьбы с правящей несправедливостью.

А череда последних событий подсказывает, что следующий год, четвертый (или пятый — как считать) год кризиса, станет для мира годом Гая Фокса. Нового Гая Фокса, персонажа уже XXI века. Беспокойным годом.

---

[1] Этот референдум, если бы он был действительно объявлен, безусловно, имезл все шансы стать лукавым. Но он тоже в известном смысле превратился бы в символ: участие народа, тех самых 99%, в выработке и осуществлении антикризисных мер теперь становится неизбежным.



на правах рекламы